

УДК 101

Ю.А. Шестаков

*Донской государственный технический университет,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства
(филиал) в г. Шахты, Россия
redaction-el@mail.ru*

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ
РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

**[*Shestakov Y.A. Justice in the context of axiological matrix
of the Russian civilization: cultural and philosophical analysis*]**

The article analyzes the relations between political and legal values of the Russian civilization and Western liberal values. The author believes that the value of equity in the context of the historical and cultural existence of the Russian civilization is not unlike the West value, subordinate freedom and happiness, and is the top of the hierarchy of values. It appears that based on it the implementation of the liberal doctrine is the most adequate to the demands of national security of Russia.

Key words: globalization, national security, history, values, freedom, happiness, justice.

В целях обеспечения отечественной национальной безопасности в современных социокультурных условиях, характеризующихся нарастающими процессами глобализации, крайне актуальным является выяснение вопроса о соотношении политико-правовых ценностей российской цивилизации с западными либеральными ценностями. С одной стороны, только в рамках общего правового поля возможно решение глобальных проблем современности, с другой, – только сохранившись в качестве самостоятельного культурного феномена, Россия может претендовать на достойное место в глобальном мире.

Прежде всего необходимо констатировать, что ценности, лежащие в основе национальных (а в случае с Россией и цивилизационных) политических и правовых смыслов и символов, историчны. В связи с этим огромное внимание в современной культурфилософской литературе уделяется проблеме традиции как средству передачи ценностей во времени. Традиция

выполняет по отношению к социокультурной системе регулирующую функцию и «придает ей устойчивость в кризисные периоды развития» [2, с. 21], являясь важнейшим инструментом обеспечения национальной безопасности. Вследствие этого значительную популярность ныне в нашей стране приобретает консервативно-либеральная идеология, согласно которой в качестве приоритетных объектов национальной безопасности необходимо выделить своеобразные традиционные аксиологические параметры российской цивилизации, сочетая их с классическими либеральными ценностями, которые можно считать общим достоянием человечества. Сложность, однако, заключается в том, что «...именно в России оказалось очень трудно решить вопрос, какие же ценности ... политической жизни могут быть причислены к традиционным?» [5, с. 65]. Тем более что, по мнению некоторых политологов, например У. Матца, консерватизм является не альтернативой либерализму, а лишь попыткой любой идеологии защитить свои постулаты на определенном этапе своего существования.

В связи с этим более продуктивным, чем поиск неких исключительно российских ценностей, дающий повод «вытолкнуть» Россию из либерального политико-правового пространства, выступающего в роли (во всяком случае пока) генерального вектора формирования человечества как субъекта истории, представляется несколько иной путь. Для того чтобы органично встроиться в структуры глобального мира в качестве самостоятельной политико-правовой сущности необходимо уяснить какие из универсалистских ценностей, вписывающихся в общий политико-правовой вектор либерализма, в наибольшей мере способны выразить эту сущность.

Нынешняя социокультурная ситуация характеризуется антропологизацией политико-правовых ценностей. «Основной правовой ценностью является личность» [2, с. 24], – провозглашают аналитики правовой аксиологии. В связи с этим аксиологической детерминантой, которая претендует на первенство в иерархии ценностей глобального мира, является свобода. И на первый взгляд она имеет на это полное право, предоставленное ей всей историей человечества. Ведь сама принципиальная возможность установления иерархии ценностей, формирующей личность, немыслима без свободы. В силу этого понятие свободы является в известном смысле «внеисторическим», детерминирующим на этом основании историю. В то же время проявления свободы

носят культурно и цивилизационно определенный характер. Еще Г.Ф.В. Гегель связывал само появление истории с появлением свободы. Но эволюция этого феномена, в понимании Гегеля, основана на культурносообразном (в соответствии с национально-определенной формой воплощения «мирового духа») формировании политико-правовых институтов.

Однако свобода вряд ли может являться единственной универсальной общечеловеческой ценностью, даже в контексте либеральной политико-правовой парадигмы. Серьезная опасность здесь усматривается «...в нарушении гармонии между свободой и другими ценностями, такими как ресурсы, экология, стабильность и т.п.» [4, с. 149]. Свобода оборачивается вседозволенностью и своеволием в случае, если противоречит жизненно важным интересам личности, которые выступают в качестве приоритетных объектов национальной безопасности. Такими основополагающими для личности интересами и аксиологическими константами являются, в первую очередь, жизнь и счастье. Под счастьем, которое «...является одним из самых ценных человеческих экзистенциалов...» [7, с. 319] традиционно понимают состояние наибольшей внутренней удовлетворенности, полноты и осмысленности жизни, сопровождающееся положительными эмоциями. Однако достижение этого состояния предполагает создание социокультурных условий для обретения личностью необходимого уровня материального достатка, а также возможности для осуществления самореализации личности и признания этой самореализации со стороны других.

Под этим углом зрения смысл исторического развития состоит в «...перманентном самоиспытании человечества на создание таких социальных форм (режимов, типов обществ), которые в условиях возобновляющегося дефицита ресурсов и соответствующих конфликтов сохраняются сами, сохраняют природное окружение, а главное – позволяют индивидам и сообществам жить свободно, осмысленно и счастливо» [6, с. 164]. В результате такого испытания одни общества демонстрируют социально-политический прогресс, другие – регресс. Одни гармонизируют с природой, другие проваливают это испытание. Наконец, одни достигают высокого качества жизни личности, другие – нет.

Однако и жизнь, и счастье человека, одним из условий для достижения которых является определенный уровень социально-экономических возмож-

ностей общества не являются, по-видимому, единственными обитателями вершины иерархии универсальных ценностей, поскольку отражают субъективную сторону смысложизненной интенциональности и оставляют без ответа важнейший вопрос, формирующий любую культуру: вопрос о ее предназначении, которое определяет историческую судьбу любой цивилизационной общности. Степень ясности ответа на этот вопрос определяет степень пассионарности социума, а значит и возможности его устойчивого развития.

В связи с этим можно констатировать, что вместе с жизнью и счастьем важнейшее место в ряду либеральных общечеловеческих ценностей по праву занимает аксиологический феномен справедливости. основополагающее значение справедливости обусловлено тем, что она предполагает ограничение свободы и счастья одних во имя свободы и счастья других. В силу этого справедливость лежит в основе права. История представляет собой онтологизацию идеи справедливости, способ ее осуществления, которая, в свою очередь, раскрывает нам смысл истории. Справедливость является, таким образом, основополагающим фактором, обуславливающим успешное прохождение цивилизационными сообществами своих испытаний.

На категориях справедливости и ее предиката – равенства, а также основанных на них политических формах демократии происходит смыкание смысловой интенциональности государства и личности. С одной стороны, они являются для человека внешними условиями обеспечения свободы и счастья, а также (что более важно) личностными смыслами. С другой стороны, справедливость является важнейшим инструментом легитимации режимов, поскольку они иногда вынуждены ограничивать не только права иных государств, но и права граждан во имя государственного единства.

Экологические требования, выдвигаемые историческими испытаниями, также основаны на своеобразной экспликации ценности справедливости, проявляемой социумом по отношению к природе – использовании природных ресурсов при сохранении ее основных качественных параметров. Кроме того, в XXI веке вследствие настоятельных требований, выдвигаемых гражданским обществом, от государства социальное человечество переходит к государству экологическому, государству, которое в качестве основной своей функции должно обеспечивать право его граждан на благоприятную окружающую среду. Таким образом, экологическая безопасность как обеспечение

«экзистенциальных прав человека и прав природы» [1, с. 149] стала формой выражения требования справедливости как по отношению к природе, так и к политической эманации социума.

Наконец, высокое качество жизни личности также невозможно без реализации требования справедливости, поскольку только она в состоянии обеспечить равенство условий для реализации тех ресурсных параметров, без которых невозможно достижение уровня человеческого бытия, которое мы вправе были бы назвать достойным и достаточным для обретения счастья.

Каковы же ценностные прерогативы цивилизации российской и насколько они соответствуют вызовам глобализации? Западная корпоративная цивилизация, претендующая на статус универсалистской, позиционирует себя в качестве цивилизации, в которой вершину иерархии ценностей занимают свобода и счастье. Российская цивилизация внешне следует в этом же направлении. Однако ее глубинные ценностные константы, детерминированные всем ходом ее исторического развития, отличного от западного, не во всем соответствуют подобной ценностной ориентации.

Западноевропейский культурно-политический этос, сложившийся в Средневековье, был основан на сочетании теократической функции монарха как заместителя бога и его роли как высшего феодального сеньора, базирующейся на договорных отношениях, которые должны были обеспечить автономию корпорации и власти по отношению друг к другу. На Западе государство существовало как инструмент для реализации общественных и личных интересов, которые корпорации и входящие в них индивидуумы имели принципиальную возможность воплощать в жизнь вне, помимо и против государства.

Российская политическая культура основывалась исключительно на идее сакральности власти. Она формировалась в России на заре существования российской государственности, когда закладывалась духовная матрица ее дальнейшего развития, и находилась в тесной связи с трактовкой массовым сознанием миссии государства, разнящейся с западноевропейскими воззрениями на этот вопрос.

Главным вопросом для формирующейся российской нации являлся вопрос выживания, тесно увязанный с формированием политического суверенитета. Очевидно, что в условиях золотоордынского господства это выживание было невозможно. Даже устранение ига не решало проблемы, ибо

разнообразные «осколки» Золотой Орды продолжали представлять жизненную угрозу едва успевшему сформироваться этносу. Агрессия Польско-Литовского государства также была направлена на тотальное поглощение потенциальной России. Католическая ориентация западного соседа влекла за собой угрозу утраты культурной самобытности и установления национально-религиозного гнета, которую удалось избежать посредством усилий всего общества и наличия централизованного государства. Именно вследствие того, что «благодаря государству нация обрела независимость от Орды и смогла отстоять ее перед враждебным окружением в условиях протяженных и открытых границ» [10, с. 55] российское государство учреждалось в качестве доминирующего фактора реализации базовых, жизненно важных потребностей российской нации и личности.

Кроме того, русский народ, едва сформировавшись, встал во главе православного мира, в качестве обладателя единственного суверенного православного государства. Согласно православной доктрине и принципу «симфонии», спасение народа могло быть лишь коллективным и государственным. Истинные ценности ассоциировались в российском сознании лишь с уникальным православным государством. Приобщение к этим ценностям иных народов было в глазах россиян смыслом существования их Родины. Идея мессианского предназначения Святой Руси активно поддерживалась и подпитывалась общественными настроениями религиозной жертвенности и массового фанатизма, которые особенно активно проявлялись именно в период Московского царства, когда религиозно-политическое «изгойство» России компенсировалось единением всего населения вокруг религиозно-идеологического ядра, демиургом которого являлись слитые воедино государство и церковь.

Гипертрофированная роль государства продолжала существовать и даже усиливаться на протяжении всей дальнейшей истории России. Вследствие поликонфессиональности, полиэтничности российской цивилизации (осложнявшейся ярко выраженной «разновозрастностью» и различной цивилизационной ориентацией этносов), цивилизационного раскола на модернизированную «цивилизацию» и немодernизированную «почву» (используя категории В.О. Ключевского) государство практически всегда выступало основным инструментом обеспечения цивилизационной самоидентификации общества и личности. Низкий уровень производительности труда обусловил формирование в России

мобилизационно-кризисного типа экономики, при котором государство играло роль основного организатора хозяйственного развития на этапе формирования основ индустриального общества. Это предполагало: создание государством экономической инфраструктуры, активное стимулирование разделения труда и, в итоге, построение мощной промышленной базы. Все это обеспечило российской цивилизации в имперский и советский периоды место в «клубе индустриальных держав» (иногда и доминирование в нем). В свою очередь это обстоятельство являлось надежным гарантом сохранения суверенитета, реализации нацией своей исторической миссии (во все времена ею была смысловая альтернатива ценностным конструктам Запада и Востока) и сравнительного (если соотносить с зависимыми странами) благополучия населения.

Как следствие всего вышеизложенного в качестве ментальной константы россиян сформировался этатизм, но не как проявление внешнего доминирования государственного над общественным и личным. Государство в России с самого начала своего существования, в силу решающей роли в деле обретения и сохранения жизненно важного для нации суверенитета, «рассматривалось как главное национальное достижение и достояние» [8, с. 116]. Если, кроме того, принять во внимание то обстоятельство, что ценность индивидуального счастья играла второстепенную роль для личности, идентифицирующей себя с российской цивилизацией в силу гипертрофированного значения культурного феномена духовности, предполагавшего аскезу и коллективизм – добровольное отрешение от личного благополучия и безграничное терпение во имя достижения общих высших сакральных идеалов, неотъемлемых от идеологии государства, более релевантным является утверждение того, что интересы государства, личности, общества были слиты в России нераздельно, воспринимались каждым членом социума как свои.

В результате в России, в отличие от Запада, именно справедливость, а не свобода и не счастье носила характер самоценности, высшего символа, определяющего смысл существования национально-государственной общности в истории. Понимание справедливости также отличалась от западного. Оно базировалось не на контрактной основе взаимного признания интересов личности, общества и государства, а на идее их неразделенности, в основе которой – невозможность автономной друг от друга реализации ценности свободы, счастья и смысложизненной интенциональности.

В силу этого идея права в доминионе российской цивилизации исторически была фундирована в большей степени не на западном принципе нормативно фиксируемой свободы и неприкосновенности собственности, а на принципе морально-религиозной справедливости. Не случайно исследователи истории отечественного права обращают внимание на необходимость «включать в понятие правовой традиции этические, религиозные, философские нормы» [2, с. 23], народный дух и ментальность, а не только правовые акты и юридические концепции, основанные на приоритете позитивного права, ограждающего в первую очередь свободу и счастье личности от вмешательства общества и государства. Господствующей всегда являлась правовая установка на реализацию личных интересов и ценностных предпочтений не в противоречии с обществом и государством, а через их посредство и поддержку.

Если принять во внимание, что степень эффективности справедливости демонстрирует степень совершенства способа кооперирования деятельности и взаимного уравнивания конфликтующих интересов, необходимо отметить что в России эта эффективность была весьма высока. Несмотря на договорный характер модернизации, обуславливавший позицию общества не в качестве субъекта, а в качестве объекта модернизационных преобразований, проводившихся государством, российская цивилизация смогла не только сохраниться в качестве самостоятельного социокультурного феномена, но и расширить свой ареал, а также реализовать альтернативный вариант политико-правовой модернизации. Речь идет о социалистической демократии. В рамках этой концепции демократии индивидуальная свобода и счастье не имели статуса самодостаточности и противопоставлялись моральным обязанностям перед обществом и государством, воплощающим идею коллективистской справедливости. Причем ныне признается, что «...трактовка социалистической демократии как демократии «ущербной» является недопустимым упрощением истории политико-правовой мысли» [9, с. 42].

В связи с этим в контексте необходимости учета аксиологической матрицы российской цивилизации в процессе возведения здания российской демократии сам демократический режим трактуется в российской культурфилософской мысли лишь как «набор отдельных черт, присущих демократическим обществам» [3, с. 259], которые в силу транзитивности современной эпохи находятся в состоянии перманентной трансформации. Поэтому окон-

чение переходного состояния современных российских политико-правовых структур связывается не со следованием определенным абстрактным западным образцам, а скорее с ситуацией стабилизации политической системы вокруг смыслового политико-идеологического центра, представляющего собой «ценностно-нормативный консенсус, возникающий в процессе коммуникаций» [3, с. 259]. Подобным «культурным ядром» может и должна являться ценность коллективистской справедливости, воплощенная в принципах «... ответственности личности перед собой, обществом и страной, на основе взаимопомощи и солидарности» [5, с. 67].

Таким образом, интересы обеспечения национальной безопасности России в свете глобализационных процессов настоятельно требуют сохранения и развития ее культурно своеобразного ценностного политико-правового потенциала, накопленного российской цивилизацией в процессе исторического развития. В отличие от либеральной парадигмы западной цивилизации ценность справедливости в контексте историко-культурного бытия российской цивилизации является не ценностью, подчиненной свободе и счастью личности, а занимает вершину иерархии ценностей. Такой аспект понимания и претворения либеральной доктрины является в наибольшей степени релевантным для России с точки зрения универсальных ценностных констант ее развития и особенностей ментальности ее населения, а потому наиболее адекватным требованиям обеспечения национальной безопасности. Кроме того, подобная модель, возможно, гораздо более подходит современному миру, нежели утилитаристские идеалы западного глобализма, предполагающие приоритет ценностей счастья и свободы, что, в условиях сужающейся ресурсообеспеченности и пассионарности человечества может привести к его гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуггенбергер Б.* Теория демократии // Полис. 1991. № 4.
2. *Лепешко Б.М.* Правовая традиция и проблема ценностей // Социально-политические науки. 2013. № 3.
3. *Нарыкова С.П.* Особенности осуществления власти в транзитивном обществе // Общество и право. 2013. № 2(44).

4. *Плохотников К.Э.* Нормативная модель глобальной истории: информация, ресурсы, политика // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1995. № 5-6.
5. *Прошина Е.М.* О консервативно-либеральной модели политической модернизации современной России // Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 3(10).
6. *Розов Н.С.* Конституционные ценности, смысл истории и тройственное самоиспытание обществ // Общественные науки и современность. 2013. № 4.
7. *Руденко А.М.* Социовитальная концепция смысложизненной интенциональности экзистенции человека: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2012.
8. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебник для вузов по курсу «Отечественная история», 6-е изд. М., 2003.
9. *Сергеева Н.В.* Ценности либеральной и социалистической концепции демократии в контексте всеобщей истории // Юридическая наука. 2014. № 2.
10. *Шестаков Ю.А.* История: учебное пособие для студентов 1-го курса бакалавриата всех направлений и специальности 210601 «Радиоэлектронные системы и комплексы» всех форм обучения. Шахты, 2012.
11. *Shestakov Y.A., Nesmeyanov E.E.* L.P. Karsavin's historiosophy in the light of basic problems of Russian national security protection // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 4. <http://science-almanac.ru>

REFERENCES

1. *Guggenberger B.* Democracy theory // Polis. 1991. No 4.
2. *Lepeshko B.M.* Legal traditions and values of the problem // Socio-political sciences. 2013. No 3.
3. *Narykova S.P.* Features of the exercise of power in a transitive society // Society and Law. 2013. No 2 (44).

4. *Plohotnikov K.E.* The standard model of global history, information, resources, policies // *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 1995. No 5-6.
5. *Proshina E.M.* On the conservative-liberal model of political modernization of modern Russia // *Proceedings of the North-West Management Institute*. 2013. Vol. 4. No 3 (10).
6. *Rozov N.S.* Constitutional values, sense of history and a triple self-examination societies // *Social studies and the present*. 2013. No 4.
7. *Rudenko A.M.* Socio-vital concept of life-sense intentionality of human existence: thesis for the degree of Doctor of Philosophy in specialty 09.00.13. Rostov-on-Don, 2012.
8. *Semennikova L.I.* Russia in the world community of civilizations. University textbook for the course "History of Russia", 6th ed. Moscow, 2003.
9. *Sergeeva N.V.* The values of liberal and socialist conceptions of democracy in the context of general history // *Jurisprudence*. 2014. No 2.
10. *Shestakov Y.A.* History: a textbook for students of 1st year undergraduate «Radio-electronic systems and complexes». Shakhty, 2012.
11. *Shestakov Y.A., Nesmeyanov E.E.* L.P. Karsavin's historiosophy in the light of basic problems of Russian national security protection // *Science almanac of Black Sea region countries*". 2015. N 4. <http://science-almanac.ru>

16 июля 2016 г.
